

ПОСЛЕДНИЙ ДОМ

Есть на горе за рекой,
на косогоре крутом
дом одинокий, пустой,
старый, заброшенный дом.

Гибли деревни вокруг —
кто-то его сохранил,
кто-то отшельником жил,
сколько отпущено сил.

Что же наследник нейдет
прадеда, деда, отца?
Выбиты створки ворот,
выпали доски крыльца.

Старче, воспрянь в синеве,
врытый по пояс в траве,
не позволяй никому
к сердцу пройти твоему!

По вечерам издали,
глядя лицом на закат,
ты восстаешь из земли,
пламенем окна горят.

Сторож заросших полей,
витязь родной стороны!
Купы твоих тополей
высятся в небе, вольны.

Там у тебя соловей.
Там у тебя, старина,

белых цветущих ветвей
в мае вскипает волна.

Там, поваливши плетень,
там одичавшие, там
вишня, калина, сирень
тянутся вниз к омутам.

Сгинешь когда-то и ты —
тления не избежать.
Старых смородин кусты
будут то место держать.

Может, и надобно так —
прошлое сбросить навек.
Опустошенный маяк,
косо сечет тебя снег.

И в непроглядную тьму
мерзлые ветки впились...
Я не скажу, почему
мы до сих пор не сдались.

БАБЬЕ ЛЕТО

Закат полыхает, но темен восток,
таинственный миг полутьмы, полусвета.
И солнце уж село, и на землю лег
покой равновесного бабьего лета.

Тяжелые ветви недвижны в садах,
гурьбой георгины приникли к забору.
О, все обратится в унынье и прах
еще не сегодня, не завтра — но скоро.

А нынче, на самом краю пустоты,
такая наполненность жизни всевластной,
что в ней без труда различаешь черты
надмирной долины, чужой и прекрасной.

Прощальный, утешный подарок небес —
тебе он всего на мгновенье дарован.
Смотри же, смотри: вечеряющий лес
приблизился, встал — и молчит, очарован.

Вечерние тени так мягко легли —
ни ветра, ни стука, ни дальнего грома.
И низко над нами летят журавли:
уже улетаая, они еще дома.

Спускайтесь все ниже! Ищите ночлег
в тепле, где лощина еще не остыла.
Нет, вы не увидите холод и снег —
от этого родина вас оградила.

Ночуйте! А завтра, набрав высоту
и в путь отправляясь, вы взором привета
окинете милую родину — ту,
где доброе солнце и вечное лето.

РЕКА

Ведь река — это тоже ручей
у истоков своих, у начала.
Золотым водопадом лучей
ее раннее утро встречало.

И была она просто ничья,
и лениво струила течение,
по соседству другого ручья
беспреданное слушая пенье.

Это был несравненный ручей —
и соперник ее, и учитель,
он катился быстрей и звончей,
и повсюду он был победитель.

В душных дебрях — то дерева ствол,
то колода, то пень, то коряга.
Вот ручей повернул и ушел —
устремился по склону оврага.

Будет, будет ему благодать
и недолгий простор для полета —
бочажины лесные питать,
упираться в глухие болота,

и не знать на коротком веку
под ступенчатым сводом природы,
что река превратилась в реку
и широко раскинула воды.

Ей — и баржи нести на спине,
и вращать паровые турбины,
вдаль пройти по великой стране,
открывать города и глубины,

выходить из своих берегов,
видеть счастье народов и горе,
быть преградой живой для врагов
и в открытое вылиться море.

Ничего не решала борьба,
так уж небо, должно быть, решило.
Так уж, видно, сложилась судьба,
так на звездах начертано было.

Не смущай же ты душу ничью:
неуместны восторг или жалость.
У холодного сна на краю
больше выбора им не осталось.

Только детство, где нету вины
и ни имени нет, ни названья,
где великий покой тишины
и великое счастье незнанья.

НА СЕВЕР

С.У.

Стеною отвесной, лавиной прямой
здесь рушится ливень из пропасти мутной.
Скорее на север! Скорее домой —
в какой-то машине — случайной, попутной.

Пускай без дороги, пускай в никуда —
к стеклу запотелому локтем прижаться
и видеть, как в лужах вскипает вода,
как злые воронки в канавах кружатся.

Вперед! Из-под черного полога туч,
где грозно встает за заставой застава,
где бурный поток, оборвавшийся с круч,
тебя конвоирует слева и справа —

пробиться, прорваться, уйти, убежать!
Я знаю: дорогу нащупают шины,
и пусть не сумеет меня удержать
упругая сеть Среднерусской равнины.

И времени маятник молча повис,
качнуться не смея к пределу иному.
Мы мчались на север! Мы рушились вниз,
но вверх поднимались по шару земному.

И там, где кончается ливня межа,
открылись тебе просветленные дали.
И в тихих озерах лежала Тужа,
и редкие капли с берез упали.

А дальше — в симметрии рельсов и шпал,
в вечернем тумане, в закате пугливом

железный Котельнич упрямо вставал
и медленно плыл над высоким обрывом.

И ночь восставала. Но где-нибудь там
расчищено место гнездовью родному.
По улицам вдоль, по созвездьям реклам
в последнем рывке доберемся до дому.

Мой друг! Мы вернулись на север — туда,
где сходятся линии жизни в пространстве,
где тихо Полярная светит звезда
в своем неподвижном, немом постоянстве.

ОСЕНЬ

Как будто из земли взошла
и за ночь выросла неслышно —
один лишь раз она была,
лишь раз такая осень вышла.

Она возникла в пустоте
первоначального творенья
в своей неожиданной красоте,
в своем небесном озаренье.

И старый домик, и крыльцо,
и доски старого причала
она взяла в свое кольцо
и никуда не выпускала.

О, в жар твоих багряных плит,
в подножье рощи златокрылой
студеный воздух крепко влит
и остановлен высшей силой!

И в этой строгой тишине
безмолвная, стояла школа,
и в книгах открывалась мне
вся правда русского глагола.

Таков он был, хрустальный свет
невозвратимого начала.
И было мне тринадцать лет,
и я о жизни много знала.

И здесь, в теснине под горой,
перед студеную водою
всех лет грядущих длинный строй
вдруг развернулся предо мною.

Звени, звени, моя струна,
гори, свеча, не догорая!
Восходит на небо луна
из дальнего, чужого края.

Но в день творения седьмой
оцепенеют, встанут реки,
и осень встретится с зимой,
и растворится в ней навеки.